

Полное прозвище её звучало как леди Гроах Ногинская, возраст – два с половиной года, рождена безымянными родителями в деревне Ногино Тверской области. Когда бы владельцам такого рода существ вменялось в обязанность заводить паспорта вроде собачьих, то в графе «особые приметы» или «экстерьер» – автор не помнит достоверно, что именно указывается в подобных паспортах – так вот, в какой-нибудь подходящей графе значилось бы без сомнения: частичное отсутствие хвоста, нехарактерный охристо-бурый с зеленоватым отливом окрас и неестественная величина. Но для литератора, поэта или любого иного человека, наделённого большим художественным воображением, достаточно оказалось бы одного взгляда на леди Гроах, дабы записать в ту же гипотетическую графу: поразительное сходство с видом *homo sapiens*.

И действительно чудилось нечто извращенно-человеческое в этой тупорылой и щекастой усатой морде, больших розовых лапках, до странности смахивающих на ручки младенца, и прежде всего – в выпуклых, похожих на маслины чёрных глазках, в коих явственно теплилась искра разума. Гроах даже дремать предпочитала сидя на мощных задних конечностях, сложив передние на внушительном животе. Да и вообще мало чего наблюдалось в ней от бессловесных тварей. Соображала она на удивление быстро; жадно и цепко впитывала любые, пусть и мимолетные, впечатления; отличалась завидной способностью к рассудочной деятельности. Впрочем, и бессловесной назвать Гроах можно было лишь условно. Писк её поражал слух широчайшим диапазоном тональностей и модуляций: от кошмарных звуков, напоминающих скрип железа по стеклу, до каких-то переливчатых трелей, вызывающих в памяти упоительное птичье щебетанье в весеннем лесу.

Такова была эта странная тварь, прижившаяся в благоустроенной двухуровневой квартире на Фрунзенской набережной, занимаемой в описываемые времена почтенным и ничуть не странным, а напротив, самым что ни на есть обыкновенным, можно сказать, рядовым московским семейством Медогоновых-Гозманидзе.

Но прежде стоит, наверное, коротко остановиться на предыстории появления её по означенному адресу.

Как-то осенью Людмила Никаноровна Медогонова-Гозманидзе обихаживала садово-огородные плантации на задах дома в упомянутой тверской вотчине. Возможно, «обихаживала» – не совсем подходящее слово, ибо разумеется, Людмила Никаноровна или Людочка, как называли её близкие знакомые и как впредь, на тех же правах, станем именовать нашу героиню и мы, не пачкала рук навозом, не издевалась над маникюром, пропалывая какие-нибудь ягодные культуры, или (упаси боже!) не копала гряды, готовя их к посадке озимого чеснока, – для всех подобных работ по местным деревням слонялось достаточное количество спившихся, но ещё способных к несложному физическому труду представителей вымирающего племени селян, – нет, досуг её занимал куда более возвышенный процесс составления роскошного букета из осенних астр, хризантем и золотарника, живописные купы которых в обилии произрастали вдоль невысокого забора и среди разного рода декоративных кустарников. И вот, в тот самый момент, когда Людочка проходила мимо нелюбимых ею топинамбуровых джунглей, что заполонили южный, ближайший к реке угол участка, и кинула рассеянный взгляд в их сторону, в глаза ей бросилась не видимая ранее из-за травы звериная нора. Не заметить её было сложно. Теперь, когда пожухлые злаки лишь слегка скрадывали очертания норы, круглое отверстие её, достигающее в диаметре не менее сорока сантиметров, так и зияло устрашающей чёрной пастью среди выперших наружу корней и клубней земляной груши. Людочка отчего-то

заинтересовалась и решила рассмотреть нору поближе. Но едва она подошла к буйным зарослям топинамбура и склонилась над норой, как новое происшествие заставило её взвизгнуть и уронить почти готовый букет. Не замечая, что ступает прямо по срезанным цветам, Людочка резво метнулась в сторону, зажала рот обеими ладонями, чтобы остановить ещё один готовый сорваться с губ пронзительный крик, и уставилась на нору расширившимися от страха глазами...

Если читатель предвкушает, что мы во первых же строках повествования угостим его какой-нибудь увлекательной жутью, то, увы, заблуждается. Ибо, на наш взгляд, одна только субтильная женская психика могла найти нечто страшное в заурядной старой крысе. Да, всего-навсего крысе. Именно её узрела Людочка выползающей прямо из широкого зева огородной норы. Безобразно огромная, тощая как смерть и абсолютно седая тварь медленно, с видимыми усилиями выбралась на божий свет и замерла у самого входа в своё логово. Людочка заворожено наблюдала за омерзительным существом, когда внезапно конечности крысы обьяла мелкая дрожь, тело её несколько раз изогнулось в предсмертных конвульсиях, и тварь околела.

Брезгливо передернув плечами, Людочка собралась было уйти, но вспомнила про цветы. Она осторожно приблизилась к норе и, стараясь не смотреть на крысиный труп, по-прежнему внушающий ей необъяснимый ужас и вполне понятное отвращение, принялась собирать оброненные растения. Она ещё не успела закончить, когда внимание её привлекло еле слышное попискивание. Людочка решила, что тварь против ожидания до сих пор жива, и вновь стремительно отскочила. Оказалось, однако, что дело вовсе не в этом, старая крыса была вполне и окончательно мертвой, мертвее не бывает, из норы же один за другим появились три крошечных крысёныша.

Тельца их, едва опушенные серыми, пока ещё мягкими волосками, дрожали словно от холода, хотя погода на дворе стояла вполне себе теплая; уже не слепые, но явно совершенно беспомощные детёныши неумело косолапили на хилых, кривых ножках, тыкались мордочками в неподвижное тело старой крысы и жалобно пищали. Короче, если и не душераздирающее, то достаточно неприятное зрелище. Особенно для впечатлительных и склонных к рефлексии натур. Да и вид едва народившихся и уже обреченных на смерть маленьких существ способен тронуть любого. Даже если загодя известно, что очень скоро из очаровательных малышей вырастут весьма неприятные, зловредные и агрессивные особи. Рассадники эпизоотий и природные резервуары всяких опасных инфекций. Впрочем, сами понимаете, сказанное характерно не для одних только грызунов.

Людочка поспешно отвернулась и заторопилась к дому, подальше от этого наглядного примера дарвиновского естественного отбора. «Надо велеть Прохору выкорчевать к чертовой бабушке проклятый топинамбур и все там перекопать, – подумала она, ставя букет в майоликовую вазу. – Не хватало мне только крыс на участке!»

После обеда, во время которого ей буквально кусок в горло не лез, Людочка пошла-таки посмотреть на крысиный выводок. Вернее, собиралась-то она совершить послеобеденный моцион, просто побродить вдоль реки, однако ноги будто сами принесли её к давешней норе. Тем паче, что калитка, ведущая к берегу Сабли, располагалась аккурат подле зарослей земляной груши.

Рядом с трупом старой крысы лежали двадохлых крысёнка; по их телам уже деловито сновали рыжие муравьи, тут же медлительно насыщалась парочка тучных, оранжево-чёрных жуков-мертвоедов. Третьего крысёныша нигде видно не было.

Покинь Людочка тотчас это место, ничего бы не произошло, и нам, собственно, не о чём было бы рассказывать. Но случай – вековечный движитель эволюции и всегдашний союзник беллетристов – вторгается в жизнь даже самых заурядных особей, а судьба – непрошенный попутчик – ведает тысячи способов сотворить многострадального Иова из любого Суллы Феликса, а то и Радаманта из первой попавшейся заблудшей овцы. В нашем случае вмешательство фатума выразилось в лёгком касании лодыжки героини. Что-то холодное и имокрое ткнулось в ногу Людочки; она вздрогнула, опустила глаза и узрела

последнего оставшегося в живых крысёныша – тот копошился прямо у её правой ступни, тщетно пытаясь перебраться через неожиданное препятствие.

О серых крысах (они же – пасюки или *Rattus norvegicus*) Людочка почти ничего не знала. Смутно помнила только, что создания эти весьма умны, вроде бы снискали себе сомнительную славу каннибалов, обладают незаурядными физическими данными, практически невосприимчивы к радиации и зачастую переносят чуму и иные неприятные болезни, типа загадочной содоку. Как бы то ни было, первым побуждением Людочки было отшвырнуть маленькую тварь ударом ноги куда подальше или даже раздавить подошвой лакостовского пантолета, украшенного логотипом в виде симпатичного зеленого крокодилчика. Но то ли побоялась она испачкать стильную французскую обувь, то ли чувство жалости взяло верх, но вместо того, чтобы одним движением избавить мир от ещё одного пасюка, она неожиданно для самой себя присела и протянула крысёнышу палец.

Вот с этого произвольного движения всё и началось. Крысёныш немедленно схватился за палец обеими передними лапками и ловко взобрался на ладонь Людочки. Взобравшись же, пискнул, склонил набок мордочку и уставился своими чёрными бусинами прямо ей в глаза. Удивительное дело – взгляд этот показался Людочке не только совершенно осмысленным, но и как будто оценивающим. Во взгляде крысёныша не читалось испуга или вообще страха, напротив, он словно изучал новое для себя человеческое существо, внимательно всматривался и запоминал черты склонившегося над ним лица. Продолжалось таковое рассматривание всего несколько секунд, затем крысёныш зевнул, обнажив розовый ротик, снабжённый покуда крошечными, но уже острыми зубками, свернулся клубком и заснул прямо на людочкиной ладони.

Людочка оказалась в затруднительной ситуации: одно дело – уничтожить на месте преступления шныряющего где не положено вредителя и совсем другое – лишить жизни доверившееся тебе существо. Тем паче, доверившееся столь бесхитростно и оттого ещё более трогательно. При всех недостатках (они же – достоинства) женской природы на подобное вероломство Людочка способностей в себе не ощущала. Она отнесла крысёнка в дом и с осторожностью, стараясь не нарушить младенческий сон, уложила в высокую шляпную коробку.

Дальнейшее – очевидно.

* * *

Юрий Карлович, доктор исторических наук, профессор, представитель плодovitого и разветвлённого рода Медогоновых-Гозманидзе, являл собой тип законченного интеллигента в четвёртом поколении. И диссидента – в третьем. Один из дедов Юрия Карловича боролся с царизмом, отец и мать – с коммунизмом. Некогда, в кровожадную хрущёвско-брежневскую эпоху, оба родителя его состояли неперенными членами всяких разных хельсинских и инициативных групп, входили в состав всех возможных правозащитных фондов, комиссий и объединений. Изведали гонения, даже ссылку (не то в красноярское, не то в краснодарское захолустье) и мелочно-пристальный интерес компетентных органов. Правда, отсидок в мордовских и якутских лагерях не удостоились. Избежали и лап карательной психиатрии. Бог миловал. Ну так ведь и тогда далеко не каждый стремился довести меру собственных страданий до эдакой крайности. Единицы, подвижники и страстотерпцы. Уезжать Медогоновы-Гозманидзе не хотели, хотя и были такие предложения (или, скорее, настоятельные рекомендации) от властей предержавших. Покинули постылое отечество лишь после девяносто первого года. Сейчас оба жили в Северной Америке: отец – в Лос-Анджелесе, мать – в Торонто.

Сын, натурально, пошёл по стопам предков. Вот только времена изменились. Чересчур вегетарианские настали времена. Политические преследования инакомыслящих сделались до обидного редки. Самиздат превратился в смешное ретро, интересное разве букинистам. Литературу распространяй какую душе угодно. Правительство не хает только ленивый. И что? И ничего. Это особенно раздражало Юрия Карловича. Ибо для любого

мыслящего человека было очевидно – режим-то не поменялся, кровавый, насквозь прогнивший антидемократический режим. А репрессии? Где они? Какие-то выборочные, несерьезные, малахольные даже репрессии. И как тут, скажите на милость, не возненавидеть родные осины? Как не затосковать по героическим временам глобального противостояния систем и мировоззрений?

Нет, Юрий Карлович, конечно, не сдавался, боролся... Ну, не то чтобы боролся, но в СМИ, по крайней мере, выступал и высказывался охотно и регулярно. Со всей бескомпромиссностью. Дабы оставаться рукопожатным в кругах людей честных и демократически настроенных. Любил порассуждать о «фантомных имперских болях», тотальной лжи на правительственных телеканалах и продажности официальной прессы. Ну и вполне естественно, будучи историком, основной упор делал он на обнаружении и развенчании извечно-захватнической, мракобесно-имперской политики любимого отечества. Ясно ведь, что применительно к России даже и патриотизм есть явление сугубо отрицательное, вредное и абсолютно неприемлемое, тупая агрессия, лапотное тщеславие. Сплошной барабанный бой.

По жизни, среди друзей и знакомых, Юрий Карлович тоже слыл вполне симпатичным человеком. Не красавец, но бонвиван, жизнелюб, жуир и большой ценитель удовольствий, в том числе и женщин. Женщины, со своей стороны, не оставались равнодушны к импозантному профессору. То есть буквально липли. Вот и Людочка как-то прилипла. Встретила его на курорте в Южной Италии и прилипла. А после, обладая решительным и твёрдым характером, спешно женила на себе годящегося ей в отцы учёного мужа. Но едва миновал медовый месяц, как новобрачная, увы, совершенно охладела к избраннику своего сердца. Выяснилось, что профессор – непримиримый, кристально честный и неизменно последовательный в борьбе за либеральные ценности – в личных отношениях предпочитает придерживаться несколько иных, точнее, прямо противоположных принципов.

Но что того неприятнее – профессор оказался жутко ревнив. Учитывая, что сам он не слишком обременял себя правилами морали, был даже слегка безалаберен в быту, это может показаться странным. Тем не менее, подобное сочетание отнюдь не редкость. При развитом (если не гипертрофированном) собственническом инстинкте Юрий Карлович полагал к тому же, что ответственность за поддержание домашнего уюта и упрочение семейного благополучия целиком лежит на плечах супруги. Искать радостей на стороне – не женское дело, но полностью мужская прерогатива. Людочка не разделяла взгляды мужа, и атмосфера в доме равномерно накалялась, периодически доходя, как водится, до точки кипения. Впрочем, обыкновенно зачинщицей скандалов и истерик становилась сама Людочка. Так сказать, задавала тон. Ибо Юрий Карлович в любой ситуации старался себя блюсти, сохраняя холодную вежливость и язвительную учтивость среди всех домашних бурь. Понятное дело, такое поведение лишь распалило гнев Людочки и, в конечном итоге, усугубляло растущее обоюдное отчуждение.

Не следует думать, будто Людочка обладала депрессивным или мнительно-тревожным характером. Совсем нет. Но много ли уравновешенных особ женского пола встречали вы на своем веку? Автору, по крайней мере, нечем похвастаться в этом смысле. Вместе с тем, Людочка уважала порядок. Даже любила. Законы, нормы, запреты и ограничения (особенно – запреты и ограничения!) – суть, костяк, становой хребет любого общества. Если, разумеется, речь идет о правильном обществе. На всю жизнь запомнила она слова отца, сказанные ей в детстве: «Убери из самого занюханного и законопослушного городишки органы правопорядка, детка, и увидишь – через день каждый станет плевать и мусорить на улицах, а через два – воцарятся хаос и смертоубийство». Отец был прав. Некогда он принадлежал к верхушке партийно-хозяйственной номенклатуры, руководил крупной добывающей отраслью, а значит, сам устанавливал правила. Хотя бы в этой отдельно взятой отрасли.

Как и многие, во времена студенческой юности Людочка отдала дань бунтарству. Быть может, и скудную дань, но для неё достаточную. Однажды ходила даже на какой-то митинг к памятнику Пушкину. По счастью, это быстро прошло. Едва годы учёбы в

университете подошли к концу, мысли и чувства Людочки приняли совсем иное направление. Теперь она отчетливо осознавала, насколько правы власти в своей решимости обуздать всякую расхристанную вольницу, всякое неустройство. Отныне Людочка всей душой, с энтузиазмом приветствовала репрессии в отношении курильщиков, пьяниц, нелегальных мигрантов и прочих лиц с вредными привычками («Одно ведет к другому», – говорил отец, во всю жизнь не бравший в рот сигарет и спиртного). Дай ей волю, в этих репрессиях она пошла бы куда дальше: не остановилась бы перед принудительным лечением, насильственной стерилизацией и смертной казнью. Генофонд общества следует очищать от распущенных элементов. Здесь требуется скальпель, а не терапия. Хныканья тех из знакомых, которые не могли или не желали избавляться от гнусных пороков, вроде табакокурения, ничего кроме отвращения у Людочки не вызывали. Ей нравилось представлять себя в роли Главного санитарного врача или руководителя пенитенциарной системы – вот бы где она развернулась! К нарушителям порядка сердце Людочки не знало жалости. Юрий Карлович порядок не ценил – разбрасывал по квартире носки и нижнее белье.

Надо сказать, окружающими разлад в семействе Медогоновых-Гозманидзе практически не замечался. Ибо, помимо Людочки и Юрия Карловича, в квартире обитал только ангорский кот Агасфер. Наличествовала ещё домработница Глаша, – тучная неразговорчивая особа, – но та приходила исключительно по средам. На людях же супруги старались соблюдать приличия.

Агасфер – животное в сущности добродушное, даже ласковое, но подверженное всем порочным инстинктам своего кошачьего племени – являлся любимцем профессора, слушался только хозяина и игнорировал хозяйку, которую за таковую не признавал. Совершенно естественно, при появлении на его законной территории дополнительного квартиранта, кот стал проявлять к крысёнышу нездоровый – пищевой и охотничий – интерес. Первое время он вообще мог часами сидеть перед клеткой с новым питомцем, ел того глазами, не мигая и почти не шевелясь, лишь едва слышно повякивая от возбуждения. Крысёныша такое избыточное внимание, казалось, нисколько не смущало; он невозмутимо и деловито шнырял по просторной, купленной Людочкой в староарбатском зоомагазине клетке (двухуровневой, как и квартира), не страшась проскальзывать перед самой мордой природного врага. Словом, не обращал на потенциальную опасность ни малейшего внимания.

Вообще-то поначалу он ни на кого не обращал внимания. Вернее, не делал особых различий между Людочкой и Юрием Карловичем, с одинаковым равнодушием воспринимал их присутствие, охотно брал корм как из женских, так и из мужских рук, а в ходе частых и порой очень бурных супружеских скандалов сохранял несокрушимое спокойствие. В отличие от Агасфера, которого приходилось даже закрывать в чулане на время ссор, – вспыльчивый ангорец немедля бросался в бой, норовя вцепиться когтями в самое лицо Людочке, стоило той чуть повысить голос на его обожаемого повелителя.

Поведение крысёныша удивляло и обижало Людочку. Всё-таки она спасла это существо от верной гибели. Откуда же подобная индифферентность? Явное отсутствие привязанности, не говоря о симпатии, и вполне естественных для любой домашней твари предпочтений? А ещё врут, будто крысы – едва ли не самые умные из четвероногих!

Но все изменилось в одночасье. Внешним поводом, как и следовало ожидать, послужил всё тот же извечный антагонизм между семействами грызунов и кошачьих. Однажды вечером, во время мирного разговора по телефону с подругой, Людочка услышала пронзительный, полный отчаяния и боли писк, доносящийся со второго этажа. Бросив трубку, Людочка стрелой взлетела по винтовой лестнице и ворвалась в малую гостиную. Открывшаяся ей картина оказалась достойна кисти Эдварда Лира, а то и самого Ивана Грота: по одну сторону клетки – заходящийся в истошном пiske крысёныш, по другую – Агасфер, намертво вцепившийся зубами в хвост несчастной твари. Не составляло труда догадаться, что наглый хищник воспользовался счастливым случаем – опрометчиво высунутым между медными прутьями длинным крысиным хвостом – и предпринял попытку сожрать недруга по частям.

Надо отдать должное молниеносной реакции Людочки: не теряя ни секунды, она сорвала с ноги тапку и что было мочи саданула каучуковой подошвой по жирному крупу. Агасфер, не привыкший к столь бесцеремонному обращению, подпрыгнул на месте, зашипел и пулей метнулся прочь. Зубы он так и не разжал, поэтому, когда Людочка повернулась к клетке, то увидела крысёныша, который жалобно пищал и, вертясь на месте, безуспешно пытался дотянуться мордой и лапками до изрядно укороченного хвоста.

Людочка тут же позвонила ветеринару. Не дожидаясь его приезда, она самостоятельно обработала окровавленный огрызок зелёной и забинтовала куском марли. А потом ещё целый час, до самого появления звериного доктора, бережно баюкала крысёныша на руках, опасаясь, что тот как-нибудь сдерёт повязку и истечёт кровью.

Ветеринар полностью одобрил принятые хозяйкой неотложные меры, снабдил Людочку мазью-антисептиком и велел ежедневно менять бинты, вплоть до полного заживления. Он заверил Людочку, что потеря хвоста или его части – обычное дело для пасюков, жизнь которых на воле полна, как известно, тревог и опасностей, поэтому и беспокоиться особенно не о чем.

Вот сей едва не обернувшийся роковыми последствиями случай и явился той самой песчинкой, что перевешивает иные каменные глыбы, тем толчком, что разбудил в таинственных недрах дремлющего сознания крысёныша неизведанные доселе чувства. Отныне внутренний мир его, замкнутый до последнего времени, подобно гаду Уроборосу, исключительно на самом себе, значительно расширился, ибо вдруг, неожиданно-негаданно обогатился новым объектом привязанности и даже поклонения. Каковым, само собой, явилась его спасительница.

С этих пор для крысёныша существовала только Людочка – единственное божество и кумир; на неё одну оказались направлены любовь и внимание, только она имела право кормить и ласкать своего питомца, чистить клетку и выгуливать. Прогулки эти становились всё более самостоятельны и обширны в географическом смысле, пока он не получил, наконец, право на всю жилплощадь. Поначалу негодующего Агасфера приходилось запира́ть на пару часов в чулане, но по мере того, как крысёныш рос и матерел, необходимость в изоляции кота отпала сама собой. При этом значительную часть времени крысёныш проводил, угнездившись на плече хозяйки, да и спать вскоре повадился в её постели.

Нам не дано понять, отчего такая метаморфоза произошла именно сейчас, а не ранее, не в момент действительного спасения крысёныша от неминуемой голодной смерти. Да и какой смысл гадать? Чужая душа – потёмки. Тем более, если речь идёт о душе крысы.

Примерно в означенный же период крысёныш получил имя. До этого его так и звали – «крысёныш». Но, во-первых, после визита ветеринара выяснилось (к великому удовольствию склонной к феминизму хозяйки), что это вообще-то самочка. И потом, Людочка справедливо решила, что если особи мужеска пола и могут обходиться без личных имён, то для девочек отсутствие таковых – верх неприличия. Имя было выбрано далеко не сразу. Людочка перепробовала самые разные варианты прозвищ и кличек, но все они не подходили – не ощущалось никакой ответной реакции. А Людочка твёрдо верила, что нужное имя существует только одно, и произнесённое вслух немедленно окажется признано владельцем.

Так и вышло.

Одним тоскливым осенним утром Людочка лежала на диване и от нечего делать просматривала не то некую монографию, посвящённую шотландской истории, не то комментированное издание Шекспира. И вот совершенно случайно наткнулась она на авторскую ремарку, свидетельствующую, будто знаменитую леди Макбет, верную и деятельную супругу Гламисского тана, звали Гроах. Что за странное имя! Людочка несколько раз повторила его про себя, а после – вслух с разной интонацией, точно проверяя на вкус: Гроах, Гро-ах. Буквы перекатывались на языке, как сухие горошины: Гр-р-о-ах-х. Внезапно Людочка с удивлением заметила, что крыса, до сих пор спокойно дремавшая в изножье дивана, сидит на её груди и внимательно прислушивается. Людочка повторила чужеземное имя ещё раз, крыса немедленно отреагировала – задрала мордочку и обнажила

передние резцы, смешно шевельнув кисточками жестких усов. Улыбнулась. Так крыса стала леди Гроах Ногинской.

* * *

Минул целый год, прежде чем, наряду со внезапно вспыхнувшей любовью к хозяйке, в сердце Гроах проникло, укоренилось там и дало ростки ещё одно чувство. По-сути, оно явилось лишь закономерным продолжением, результатом первого – нет ничего естественнее соседства любви и ненависти.

Возможно, говорить в нашем случае стоит не о чувстве, а о страсти. Не менее вероятно также, что завзятый пурист упрекнёт автора этих строк в невежестве, в антропоморфизации бессловесных тварей – дескать, о каких-таких чувствах он толкует? Какие ещё чувства у животных, коих природа наделила единственно слепыми инстинктами? Ну, так заявим сразу: автор выше мелочных придилок поборников логики и здравого смысла и не собирается ввергать читателей в пучину бессмысленной дискуссии о терминах.

Так или иначе, этим возросшим на благодатной почве любви чувством оказалась самая жгучая ненависть к хозяину дома, к Юрию Карловичу Медогонову-Гозманидзе. Разумеется, катализатором стали бесконечные семейные склоки, невольным свидетелем которых становилась Гроах и во время которых Людочка принуждена была регулярно выходить из себя, выплескивать наружу море негативных эмоций, раздражаться слезами и выносить унизительно-вежливые упреки мужа в якобы имевшем место легкомысленном поведении, а то и в неверности. Гроах справедливо подозревала, что обожаемая госпожа её не находит со стороны супруга не то что благоговейной преданности, но и простого уважения, что тот вовсе не выказывает по отношению к ней должного почтительного трепета или, по меньшей мере, является причиной её слез, страданий и испорченного настроения. Так что результат был предсказуем.

Сначала неприязнь Гроах выражалась лишь в том, что она всячески избегала Юрия Карловича, но вскоре приняла более осязаемые формы. Первой ласточкой стало неприятное происшествие с рукописью профессора. Юрий Карлович как раз работал над фундаментальным трудом по истории России. В нём, помимо философско-нравственных эззерсисов в духе Пауло Коэльо, содержались убедительные доказательства того, что Россия виновата всегда и во всём уже одним только фактом своего существования.

И вот рукопись исчезла. Профессор как всегда оставил её на ночном столике подле кровати, – он любил творить вечерами, – а утром рукописи на месте не оказалось. Была среда, и на поиски бросили все наличные силы, включая Глашу. В конце концов, драгоценный манускрипт нашёлся под комодом. Но – боже мой! – в каком виде! Часть листов превратилась в бумажную труху, часть – просто основательно погрызена, остальные – варварским манером загажены крысиными экскрементами. Никаких сомнений в виновности Гроах не возникало, улики были налицо, и явные улики. Но поскольку «манускрипт» представлял собой всего лишь компьютерную распечатку с незначительной рукописной правкой, инцидент удалось как-то замять, а скандал спустить на тормозах. Людочка, естественно, целиком и полностью приняла сторону своей питомицы, даже нашла повод попенять мужу, обличив в неаккуратности: «Вечно ты разбрасываешь где попало свои дурацкие бумажки, а после кто-то виноват!» Сам Юрий Карлович, хотя и жаждал крови преступницы, посягнувшей на самое святое, но в силу характера и врожденной интеллигентности не решился настаивать на немедленной расправе. Тем не менее, тягостное впечатление, произведённое на профессора крысиным демаршем, заставило его задуматься о возможных путях избавления от гнусной твари.

Дальше – хуже.

Надо сказать, к двум годам Гроах достигла поистине устрашающих размеров, превратившись в эдакого крысиного монстра, гиганта, байками о которых работники московского метрополитена запугивают доверчивых обывателей. С хвостом (вернее, его половиной) она тянула на метр с гаком, вес зашкаливал за полтора кило, а ростом Гроах

почти сравнялась с Агасфером – не менее тридцати сантиметров в холке. Характер её также претерпел значительные и, в основном, пугающие изменения. Была ли тому причиной растущая день ото дня ненависть к профессору или что иное – неизвестно, однако в характере крысы проявились незаметные прежде, вовсе новые, неожиданные черты и особенности. Гроах на самом деле начинала походить на свою шотландскую тезку. Причём в последний, худший период жизни леди Макбет.

Если ранее это было весёлое, резвое и жизнерадостное существо, бойко шнырявшее по комнатам, вихрем носившееся вверх и вниз по крутой винтовой лестнице, соединяющей оба уровня квартиры Медогоновых-Гозманидзе, то теперь она сделалась мрачна и нелюдима, превратившись в эдакую сумеречную отшельницу. Днём Гроах всё больше спала в ногах людошкиной кровати (клетка уже не вмещала крысу-переростка и отправилась в чулан), ночами же серым молчаливым призраком бродила по квартире, шарила по углам и подолгу высматривала что-то на улице, сидя на широком подоконнике и прильнув тупорылой мордой к тёмному стеклу. В хозяйке она по-прежнему души не чаяла, а вот Юрий Карлович стал с некоторых пор относиться к Гроах с опаской: как-то раз, когда он по привычке вознамерился отпихнуть ногой внезапно выросшую у него на пути крысу, та ощерилась и попыталась цапнуть его за брючину. Жаловаться жене на недостойное поведение её любимицы профессор посчитал ниже своего достоинства, но ещё более утвердился в мысли о нежелательности совместного проживания с пасюком, выказывающим столь явную и ничем не мотивированную агрессию по отношению к главе дома.

А потом пропал Агасфер.

Никто из домашних не заметил, как это произошло. Просто в один воистину чёрный осенний день, когда профессор возвратился со службы из института, кот не встретил его по обыкновению в дверях. Юрий Карлович сразу заподозрил неладное. И раньше изредка бывало, что Агасфер по каким-либо причинам пропускал возвращение хозяина. Но сейчас сердце подсказало Юрию Карловичу, что произошло нечто плохое. Он немедленно обыскал квартиру, заглянул во все возможные углы и закоулки, где мог зашхериться его любимец – напрасно, – кот будто в воду канул. Людошка тоже встревожилась и присоединилась к розыскам; она отлично помнила – ещё днём, в обед, Агасфер спокойно дремал на холодильнике и никак не отреагировал на предложенный katekat. Куда он мог, в самом деле, подеваться? Квартира располагалась на пятом и шестом этажах добротного сталинского дома, так что форточки и окна имели ограничители во избежание несчастных случаев с домашними питомцами. Но Юрий Карлович обратил внимание на открытую настежь форточку в большой гостиной и кинулся на улицу. Однако внизу, на газоне, ни кота, ни следов его падения не наблюдалось. В тщетных поисках прошел весь этот и даже следующий день. Кот исчез. Юрий Карлович был безутешен – он прожил вместе с Агасфером долгих тринадцать лет. Несмотря на отсутствие очевидных признаков падения кота, в случившемся он всецело винил супругу – распахнутая форточка вопияла о допущенной тою непростительной халатности. Людошка обвинения отвергала как огульные, но выглядела явно смущённой. Ведь кот куда-то да делся! И надо же было этому несчастью случиться именно в то время, когда она сидела дома. Правда, часа на полтора она отлучалась – ходила по магазинам, некоторое время провела в ванной... Слабое оправдание.

Через день, в очередную среду, о своём увольнении неожиданно заявила Глаша. Ноги её больше не будет в доме, где вольготно шастают кровожадные пасюки-мутанты! В ответ на людошкино недоумение, Глаша торжественно предъявила окровавленный клоч кошачьей шерсти и поведала, будто обнаружила сей артефакт под кухонной раковиной, среди переплетения ведущих вниз сливных и канализационных труб. Не иначе, мол, выпестованное некоторыми чересчур сердобольными дамочками чудище уволокло несчастного кота в подвал, а там сожрало!

Людошка ни на йоту не поверила словам глупой бабы. Мало ли откуда мог взяться проклятый клочок! Но нехороший осадок на душе всё-таки остался. Шерсть она сожгла,

мужу решила ничего не рассказывать – для чего ещё больше накалять и без того взрывоопасную атмосферу в доме, понапрасну расстраивать человека, он и так после исчезновения Агасфера ходит сам не свой, точно в воду опущенный. Что бы ни случилось с котом, Гроах не имеет к этому никакого отношения. Не может иметь. Она милая и совсем не кровожадная. Да и не справилась бы она с котом, куда ей. Немыслимо даже предположить обратное.

Так в доме Медогоновых-Гозманидзе поселился страх.

* * *

Атмосфера в доме и правда становилась все более удушающей: Юрий Карлович, надолго замкнувшийся, ушедший в себя после таинственного исчезновения любимца, спустя месяц вроде бы немного оклемался от пережитого потрясения, но сделался совершенно невыносим. Он подхватил простуду и теперь целыми днями торчал дома, изводя Людочку мелочными придирадками и язвительными упрёками по любому, самому незначительному поводу. Новой домработницы, взамен сбежавшей Глаши, найти пока не удавалось, и Людочке волей-неволей пришлось взвалить заботы по дому на свои плечи. Любезный её сердцу порядок не должен нарушаться. Юрий Карлович наблюдал за её деятельностью на сём поприще не без тайного удовольствия, подмечая каждый просчёт и каждое, даже и пустяковое, упущение. Обычно Людочка не привыкла сдерживаться, требовалось совсем немного усилий, чтобы вывести её из себя, но на этот раз она на удивление долго и с необыкновенным смирением сносила дурное расположение духа супруга. Человек потерял практически члена семьи, надо же дать ему время оправиться от такого удара судьбы. А ещё смутное чувство вины – непонятно в связи с чем и за что – нет-нет да и тревожило чуткую людочкину совесть. Но всё имеет свой предел, в том числе и терпение. Последней каплей, переполнившей чашу этого самого терпения, явился очередной хамский жест Юрия Карловича: он обнаружил, что Людочка забыла протереть пыль на полированной поверхности его рабочего секретера и начертал пальцем на самом видном месте: «Людмила Никаноровна – дура!»

Последствия оказались несопоставимы с тяжестью пусть и хулиганской, но вообще-то, говоря между нами, вполне безобидной выходки профессора. Затяжная хандра и депрессия сыграли с ним злую шутку. Людочка буквально взорвалась. Увидев надпись, она бросилась в спальню и принялась с остервенением кидать вещи в спортивную сумку. Хватит с неё! В этом дурдоме и у сумасшедшего крыша поедет! Юрий Карлович не предпринял попыток успокоить супругу или извиниться, он молча, скрестив руки на груди, с кривой усмешкой наблюдал за сборами. И совершенно напрасно. Людочка не шутила. Она немедленно, сейчас же уезжает в Ногино! Её нервы дороже всех котов на свете! Вернётся не раньше, чем через три дня – возможно, к тому времени он придёт в норму и перестанет строить из себя Сулеймана Великолепного, лишившегося любимой наложницы! Юрий Карлович молча развернулся и покинул комнату.

Людочка с лихвой насыпала диетического корма в крысиную миску, добавила воды в питьевую ёмкость (грызуны и сутки не в состоянии обойтись без воды) и собралась было уходить, когда из коридора послышалось напутственное пожелание профессора: «Скатертью дорога!». От возмущения у Людочки перехватило дыхание, она даже не сумела ответить достойным образом. Лишь через минуту нужные слова нашлись: «Пропади ты пропадом!» – крикнула она в пространство и схватила сумку. Уже на пороге комнаты, обернувшись, Людочка встретилась глазами с Гроах – та как обычно лежала в изножье кровати – и тут же отпрянула в испуге: крыса не спала, но, приподняв морду, смотрела куда-то поверх её головы; и на одно короткое мгновение Людочке почудилось, будто взгляд этот сверкает злобной и одновременно угрюмой радостью. Спустя секунду наваждение рассеялось – Гроах вновь свернулась калачиком и мирно засопела, смешно шевеля жёсткими, как рыболовная леска, усами.

«Езжай, езжай, – удовлетворенно проворчал профессор, заслышав оглушительное хлопанье входной двери, – а я покамест, даст бог, избавлюсь от твоего треклятого чудовища».

* * *

Чтобы успокоить расшатанные нервы, трёх дней оказалось мало. Для начала октября погода стояла неестественно тёплая, временами даже жаркая, так что Людочка задержалась в деревне на целую неделю. Возвращалась она в умиротворённом настроении, но с лёгким беспокойством за Гроах: как та пережила отсутствие хозяйки? Хорошо ли заботился о ней Юрий Карлович? Впрочем, и воды и пищи она оставила более чем достаточно, так что и волноваться вроде бы не о чем.

За всю неделю муж ни разу ей не позвонил; сама Людочка тоже не стала ронять достоинства и не спешила первой делать шаг навстречу примирения. Но молчание Юрия Карловича не особенно её тревожило – она знала характер мужа, тот предпочтёт дуться до тех пор, пока не забудется самая причина ссоры. Или покуда какая-нибудь новая аспирантка или студенточка не завладеет его падким до мимолётных чувственных удовольствий вниманием, не отвлечёт от суетных забот и треволнений.

На звонок в дверь никто не ответил – видимо муж вышел-таки на работу – и Людочка с облегчённым вздохом достала ключи.

Плотная волна густого сладковатого смрада буквально отшвырнула Людочку прочь и едва не сбила с ног, стоило ей только распахнуть тяжёлую металлическую дверь квартиры. Вонь стояла страшная. Приторная сладковато-тухлая вонь не то гниющих фруктов, не то разлагающихся животных отбросов. Не очень соображая, что делает, Людочка достала из кармана надушенный платок, прижала к лицу и вошла внутрь. Свет в прихожей горел; как сомнабула, влекомая путём зловонных миазмов, двинулась она дальше – через кухню, большую гостиную и кабинет – к спальне мужа. Несмотря на погожий солнечный день, свет горел во всех помещениях. Но всюду было пусто. И жарко, словно под пологом тропического леса. Приоткрытая дверь спальни казалась заляпана какими-то мелкими черными кляксами, из-за неё доносилось приглушенное гудение. Людочка присмотрелась – кляксы на двери шевелились, передвигались с места на место; ещё шаг – и большинство из них с жужжанием взвилось в воздух. Мухи. Десятки, а может и сотни жирных, зеленовато-чёрных падальных и мясоедных мух. Эпицентр тошнотворного запаха явно находился именно там, в спальне. Людочка толкнула дверь ногой и, преодолевая отвращение, нарастающую дурноту и подкатывающие к горлу рвотные позывы, ступила через порог. Воздух казался липким и одновременно обжигающим от тлетворного, всепроникающего духа разлагающейся плоти. Огромное, обнаженное, раздутое гнилостными газами тело раскинулось на кровати; оно походило на нелепо искорёженную, бугристую куклу из обожжённого до черноты пластика. Куклу, над которой угрожающе навис переливчатый гудящий полог, дьявольский шатер, сотканный из летучих бойцов вельзевулова воинства – множества мушиных эскадрилий... Прежде чем сознание Людочки помутилось и спасительный обморок избавил её на время от кошмара действительности, с каким-то отстраненным равнодушием она успела заметить полчища омерзительных белесых личинок, сплошным шевелящимся ковром облепивших бедра и гениталии трупа.

* * *

Следствие по факту безвременной кончины профессора Юрия Карловича Медогонова-Гозмандизе затягивалось. Главным образом из-за того, что эксперты никак не могли прийти к единому мнению о причинах смерти. Слишком далеко зашли процессы разложения. Свою роль сыграли жара и наглухо закрытые окна. А также тот необъяснимый факт, что именно в означенное время коммунальные службы решили провести внеплановое испытание отопительной системы в целях подготовки к предстоящему зимнему сезону.

Собственно, выводы первоначального судебно-медицинского исследования были столь же однозначны, сколь неопределенны – внезапная остановка сердца. Отчего? Почему? Юрий Карлович никогда не жаловался на сердце. Но Людочку выводы вполне устраивали. Точнее, мало интересовали. Ей было всё равно. Суета сует. Время рождаться и время умирать. Законам природы следует повиноваться без рассуждений. На возбуждении уголовного дела и производстве дополнительных экспертиз настояли родственники. Разумеется, родственники Юрия Карловича, а не Людочкины.

В ходе комиссионной экспертизы выяснилось, что левая сонная артерия на шее трупа имеет повреждения, однако, носят ли они прижизненный или посмертный характер, обусловлены ли неким внешним воздействием или образовались под влиянием все тех же процессов гниения – в этом вопросе члены комиссии разошлись.

Родственники не уgomонились; следователь вынужден был назначить ещё какую-то комплексную экспертизу. Кажется, с привлечением специалистов по гистологии, судебной химии, бактериологии, рентгенологии и массе других служебных дисциплин с непроизносимыми названиями. Результаты её ожидалось не ранее чем через месяц. Впрочем, со слов следователя Людочка знала, что и комплексная экспертиза навряд ли внесёт окончательную ясность. Так что расследование в любом случае обречено на прекращение либо приостановление.

Если причины смерти мужа не слишком интересовали Людочку, – по крайней мере, поначалу, – то самый факт сей смерти преследовал её постоянно. Стоило закрыть глаза, в памяти снова и снова всплывал все тот же кошмар – гора иссиня-черной плоти, возвышающаяся на грязных смятых простынях, тучи мух; даже запах тления преследовал Людочку ещё целую неделю после случившегося, где бы она ни находилась. «И в распухнувшее тело раки чёрные впились», – строки, и в школьные годы вызывавшие у неё дрожь невольного отвращения. «Безобразно труп ужасный посинел и весь распух». Бр-р-р! Теперь она знала – поэт не преувеличивал. Напротив. Зрелище смерти может быть куда более отталкивающим, нежели любые поэтические фантазии.

Но как только стали известны выводы комиссионной экспертизы, – особенно, в части довольно противоречивых умствований специалистов о вероятностном механизме повреждения сонной артерии, – Людочка потеряла покой. От одного предположения, одной мысли о том, что же именно такое *на самом деле* могло произойти с Юрием Карловичем, у неё внутри все обмирало.

Когда следователь предложил ей ознакомиться с заключением экспертизы, – в качестве вдовы покойного и, соответственно, потерпевшей по делу она имела на это полное право, – Людочка не решилась отказаться. Дабы не уронить высокое звание вдовы и просто из любопытства. Однако ещё не дочитав до конца объёмный многостраничный документ, она горько пожалела о своей сговорчивости. Ибо почти физически ощутила, как в сердце просачивается страх. Противный, холодный и липкий. Тягостное, непередаваемо мерзкое ощущение. Точно проглотила огромного слизняка. И тот ползает теперь где-то внутри, подле самого сердца, пятнает его отвратительными студенистыми выделениями. Один из участвовавших в экспертизе патологоанатомов высказал мнение, что-де найдись исследуемый труп в каком-нибудь лесном массиве или хоть парке, раны на шее вполне можно было бы отнести к следам деятельности всяких разных хищников, а так – остается лишь разводить руками и списывать всё на чересчур позднюю стадию разложения. Ибо какие хищники в квартире? Людочке немедленно пришло на память выражение злобного торжества – то самое, что примерещилось ей перед отъездом из города в блестящих глазках Гроах. Невероятным, почти мучительным усилием воли Людочка отогнала от себя это видение, подавила страшную догадку. Правда, ненадолго.

О Гроах в тот роковой октябрьский день, разом превративший её из жены во вдову, Людочка вспомнила далеко не сразу. Лишь когда был подписан протокол осмотра, тело Юрия Карловича уже увезли, а полицейские, понятые и криминалисты перестали, наконец, слоняться вокруг нестройными толпами, Людочка ахнула и бросилась на второй этаж. Она забежала к себе в спальню и с облегчением выдохнула – Гроах мирно почивала на её

постели, все на том же месте, будто и не прошло целых семи дней с момента их расставания. Гроах слышала шаги хозяйки, подняла морду и зевнула. Людочка счастливо рассмеялась. Она не одна на свете – с ней по-прежнему её Гроах!

Теперь же Людочка боялась возвращаться домой, боялась встретиться глазами со своей Гроах и невольно прочесть в них подтверждение собственным невероятным догадкам. Покинув кабинет следователя, она долго бродила по вечерней набережной, потом заночевала у подруги. Благо та жила недалеко – на Комсомольском проспекте.

Сразу после памятного приезда из деревни ей уже пришлось несколько ночей провести вне дома, а крысу запирать в спальне – в квартире трудилась целая бригада самых квалифицированных уборщиков и дезинфекторов известной клининговой компании. Но сейчас – совсем иное дело, Людочке было элементарно жутко. Она просто-напросто сбежала. Сбежала, малодушно страшась взглянуть в лицо действительности. А может и не действительности, а только своим фантазиям и страхам.

Минуло долгих три дня прежде чем Людочка сумела-таки заставить себя войти в родной подъезд и подняться на пятый этаж. Перед дверью она замешкалась – правду сказать, её до коллик в животе пугала фатальная неизбежность предстоящей встречи. Встречи с кошмаром, неотступно преследовавшим её все эти дни и ночи. Людочка взглянула на часы – десять утра; Гроах скорее всего спит. Стараясь производить как можно меньше шума, Людочка зашла в прихожую; сделавшимися вдруг странно непослушными руками сняла плащ, осторожно скинула с ног туфли. Снова эта подкатывающая к горлу тошнота, судорожное стеснение в груди и липкий, назойливый страх, тысячью ледяных мурашек ползущий от стоп к плечам и дальше – к кистям рук. Медленный подъём по винтовой лестнице – с каждой ступенькой сердце её начинало трепыхаться, как пойманная в силки птица, а воля и решимость таяли. Вот, наконец, коридор и дверь в спальню. Людочка замерла, не в силах двинуться с места и преодолеть охватившее её оцепенение. Тщетно пыталась она встряхнуться и сделать шаг – ноги не слушались её, всё тело сотрясал неудержимый озноб. Она так и торчала бы здесь целую вечность, словно изваяние, порождённое взглядом одной из горгон, но дверь в спальню открылась сама. На пороге стояла Гроах.

Да, то была несомненно её Гроах. Но, Боже, как она изменилась! Вместо упитанного, тучного животного перед Людочкой предстал какой-то обтянутый шкурой скелет, и не скелет даже – тень, иссохшие крысиные мощи. Ходячее анатомическое пособие. Зловещий призрак былой Гроах.

Людочка невольно отшатнулась – Гроах вздрогнула, как от удара, чуть слышно пискнула и предприняла слабую попытку приблизиться. Людочка открыла было рот, пытаясь что-то сказать, но вместо этого вдруг развернулась и опрометью кинулась вниз по лестнице.

Опомнилась она только на улице. Мимо мелькали немногочисленные прохожие, умиротворенно рычали машины, откуда-то со стороны сквера на 2-й Фрунзенской доносились весёлые детские крики – обычная городская суета. Людочка прислонилась к морщинистому стволу старого тополя, схватилась за голову – в висках оглушающими толчками пульсировала кровь. Что же делать? Она не может, не в состоянии находиться под одной крышей с этим ужасным фантомом, живым напоминанием о странной смерти мужа. Всякий раз, видя ее, она станет думать, строить версии, теряться в догадках, что же именно произошло тогда, в те неестественно жаркие осенние дни в запертой квартире между крысой и человеком. Да и не придётся ли ей самой тоже вздрагивать по ночам в испуге, чуть слышав, как гнусная тварь возится и копошится в изножье кровати. Разве кто-нибудь способен вынести подобную пытку? А ведь это может длиться долго, очень долго. День за днём. Годы... Нет! Проблему следует решить прямо сейчас, немедленно! Гроах сама во всем виновата, она нарушила правила. Правила надо соблюдать!

Людочка встряхнулась, взяла себя в руки и решительно двинулась обратно в квартиру.

Гроах встретила её на пороге. Как в былые времена встречал Юрия Карловича Агасфер. Едва распахнулась дверь, крыса затрусилась ей навстречу, смешно подбрасывая

вверх исхудававший до самых мослов крестец. Людочка отлично понимала: стоит немного промедлить и последние капли решимости улетучатся окончательно. «Уходи прочь!» – с трудом выдавила она из себя первые попавшиеся на язык слова. Крыса вскинула морду, но с места не стронулась и как будто в недоумении уставилась на хозяйку. «Уходи! – теперь уже в полный голос крикнула, даже взвизгнула Людочка. – Убирайся! Вон из моего дома!»

Гроах съёжилась, сразу сделавшись как будто вдвое меньше ростом, робко кинула на своё божество последний, затравленный взгляд, медленно развернулась и поковыляла на кухню. Сзади она разительно смахивала на седую, страдающую радикулитом и суставными болями старуху. Чуть помедлив, Людочка зашла следом, но на кухне уже никого не было. Только приоткрытая дверца под мойкой хлопала от легкого сквозняка.

Больше Людочка никогда её не видела. Впрочем говорят, в тот же день в районе Фрунзенской набережной сразу несколько прохожих стали свидетелями удивительного зрелища: огромная, неестественной величины и худая как смерть крыса пересекла проезжую часть, каким-то чудом избежав попадания под колеса мчавшегося по всем полосам транспорта, запрыгнула на гранитный парапет и мгновенно сиганула в Москву-реку. Наиболее любопытные из очевидцев подскочили посмотреть, как крыса станет переплывать реку. Известно ведь – эти твари плавают не хуже дельфинов. Но узрели лишь широкие концентрические круги, нехотя расходящиеся по маслянистой, глянцево-чёрной воде.